

УДК 94(5)

ББК 63.3(5)

DOI 10.31554/2222-9175-2020-37-163-169

В. В. Тишин

ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ЭКОЗАВИСИМОГО ХОЗЯЙСТВА:
НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМЫ КОЧЕВНИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

Рецензия на книгу: Дробышев Ю. И. Климат и ханы: роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, 2018. – 264 с.

V. V. Tishin

POWER IN THE CONDITIONS OF ENVIRONMENTAL
INSTABILITY: A NEW ATTEMPT AT THE COMPREHENSION
OF THE PROBLEMS OF NOMADIC SOCIETIES

Review on the book: Drobyshev Yu. I. Climate and khans: the role of climatic factor in the political history of Inner Asia. – M.: Institute of oriental studies of RAS, 2018. – 264 p.

Юлий Иванович Дробышев уже известен как автор, сделавший амбициозную заявку на междисциплинарное исследование особенностей взаимодействия кочевнического общества с природной средой. Написав в свое время рецензию на его вышедшую в 2014 г. книгу [Дробышев 2014], автор настоящего текста сегодня должен признать, что написанная еще на заре собственной научной деятельности, эта рецензия хотя и задумывалась скорее как комментарий, получилась слишком требовательной к работе коллеги. Тем не менее и сегодня мы не можем отказаться от утверждения, что Ю. И. Дробышевым было сделано далеко не все то, что будто ожидалось за многообещающим введением [Тишин 2016: 237]. Именно этот факт, представление о том, что автор мог бы сделать гораздо больше, чем сделал тогда, объясняет логичность ожидания продолжения его исследований и публикации результатов.

Новая книга Ю. И. Дробышева с оригинальным названием имеет более специализированную тематическую направленность. Основное содержание работы предваряет довольно краткое введение (с. 6–8), где автор емко и декларативно излагает суть проделанной им работы, попутно касаясь довольно важных вопросов, прямого отношения к предмету исследования не имеющих. В частности, он употребляет выражение «кочевая цивилизация Центральной Азии» и утверждает, что «особенности природной среды и обусловленного ими хозяйства наложили отпечаток и на политическую организацию номадов» (с. 6). Это утверждение кажется вполне очевидным, хотя все же заслуживающим ссылки на какие-либо специально обосновывающие его работы. Это же касается следующего заявления: «На просторах степей закономерно возникали и разрушались кочевые империи. Однако, несмотря на кажущуюся очевидность, циклы политогенеза не были жестко связаны с кли-

матическими циклами. Есть более весомые основания искать главную причину их ритмики во взаимоотношениях с соседними государствами, в первую очередь с Китаем» (с. 6). Эта точка зрения получает аргументацию уже в основной части книги.

Нужно отдать должное красивому слогу книги (см., напр., на с. 7: «Человечество издавна мечтало о возможности направлять природные процессы в нужное ему русло» и далее), однако в целом введение хотелось бы видеть более развернутым.

Основная часть работы состоит из шести глав, каждая из которых последовательно раскрывает степень сложности предмета исследования.

Первая глава – «Климат и природные условия Центральной Азии» (с. 9–23) посвящена, как вытекает из названия, характеристике природно-климатических условий, а также рельефа, флоры и фауны региона, на котором сконцентрировано все исследование. Однако судя по тому, что автор понимает под «Центральной Азией» (с. 11 и сл.), исходя из его же собственной аргументации в предыдущей книге [Дробышев 2014: 19–54], именно здесь несколько непонятна отсылка к событиям, связанным с походом хорезмшаха ‘Алā’ ад-Дūна Мухаммада против багдадского халифа в 1217 г. (с. 15), имевшим место в совершенно другом регионе.

Приводя примеры неудачных попыток ведения боевых действий со стороны различных китайских царств против номадов в степных условиях, Ю. И. Дробышев приходит к оправданному заключению: «вне сомнения, природный фактор сильно отразился на центрально-азиатской политике Китая, стратеги которого предпочитали натравливать одних “варваров” на других, вместо того чтобы изнурять свои силы в погонях за номадами по бескрайним степям» (с. 23).

Вторая глава – «Адаптация материальной и духовной культуры номадов к климату» (с. 24–42) фактически посвящена характеристике быта и традиционной культуры кочевнического населения Центральной Азии, сформировавшихся именно в соответствующих условиях проживания. Здесь привлечены довольно широкие этнографические данные, почерпнутые из специальных исследований, а также отрывочные сведения из исторических источников, относящиеся к той или иной общности. Привлекаются данные о различных народах, в т. ч. и о тех, чей ареал проживания нельзя отнести к Центральной Азии (хакасы – на с. 38, 41–42), более значительный акцент сделан именно на монгольский материал, что отражено также в использовании данных о представителях монгольской среды в других географических регионах (с. 36–37). Представляется, что существовавшие различия в тех или иных обычаях и практиках между представителями монгольской и тюркской среды, констатированные автором книги (например, пространственная ориентация входа юрты), заслуживают более существенных оговорок.

Третья глава – «Климат в исторических событиях» (с. 43–85) с самого начала затрагивает очень важный и не нашедший до сих пор разрешения вопрос о периодах усыхания и увлажнения Центральной (и также Средней) Азии. Ю. И. Дробышев отмечает значение этой проблемы для дискуссии о причинах глобальных миграций кочевников, но, не ставя в данной работе задачу углубления в эти вопросы, ограничивается перечнем существующих мнений (с. 45–56). Сам он осторожно отмечает недостаточность материала для каких-либо заключений об уровне увлажнения региона в исторические периоды (с. 54–55) и в то же время, в очередной раз не отрицая значительного влияния природно-климатических условий на социальную жизнь номадов, выражает сомнения в том, что какие-либо изменения («даже если эти изменения были существенными») можно рассматривать в качестве главного фактора, влияющего на создание и упадок кочевых империй (с. 55–56). Оставляя изменениям природно-климатических условий роль своеобразного катализатора в этих процессах, Ю. И. Дробышев приходит к мнению, что «непосредственной при-

чиной краха является не стихия, а внешние или внутренние враги» (с. 59–60). Такое известное бедствие, как падеж скота, хотя приносило множество трудностейномадам, но, имея региональный характер, не могло фатально сказаться на стабильности кочевых империй. Исследователь отмечает, продолжая высказанную в первой главе мысль, что китайские правительства пользовались такими ситуациями, прежде всего, эффективно натравливая одни группы номадов на другие, в частности, ослабевшие от действий стихии (с. 63). Отмечая другой аспект воздействия погодных условий, такой как влияние на харизму правителя (с. 66), можно было порассуждать и о значении действий собственно предводителя того или иного племенного объединения по предотвращению последствий ущерба, нанесенного его подданным. Нельзя не отметить, что в этой главе читатель найдет для себя множество очень интересных фактов, связанных с взаимодействием степняков (и не только) и природной стихии, извлеченных автором работы из источников (с. 67–85).

Четвертая глава – «Погодные явления как орудие» (с. 86–132) посвящена изучению такого явления, как воздействие на погоду, практиковавшееся прежде всего у тюркских, а также монгольских кочевников с использованием т. н. «дождевого камня», или, по-тюркски, *йада таиш*. Здесь нужно исправить две неточности. Как утверждается в книге, «считается», что первое упоминание о «камне дождя» встречено в анонимной сирийской хронике конца VII в., рассказывающей об обращении несторианским митрополитом Мерва Элиасом ок. 644 г. в христианство некоего тюркского правителя (с. 88). В тексте при этом стоит ссылка на статью С. Е. Малова (1947), который, в свою очередь, ссылается на статью К. Броккельмана (1911). В действительности в тексте сирийского источника хотя и говорится о неких служителях, вызывавших непогоду, нет никакого упоминания камня. В другом месте Ю. И. Дробышев, со ссылкой на Х. Г. Короглы, цитирует легенду о передаче Йафесом (трад. библ. Яфет) «камня дождя» Гүззу и о дальнейшей ссоре последнего с его дядей Түрком (оба имени выступают как эпонимы), говоря, что ее приводит арабский историк X в. ат-Табарі (с. 90). На самом деле эта версия излагается в другом источнике – персоязычном тексте «Муджмал ат-Тавārīх ва-’л Қыса» (1126 г.) [Агаджанов 1969: 125]. В целом же в главе приведена обстоятельная подборка материала, связанного с эпизодами влияния на погоду у тюркских и монгольских кочевников, с V в. вплоть до этнографической современности.

Стоит остановиться на вопросе о природе практики колдовства с камнем. Как отмечает Ю. И. Дробышев, некоторые исследователи усматривают здесь одну из шаманских практик, другие считают это явление не имеющим отношения к шаманизму, третьи видят в нем практику, зародившуюся в рамках шаманизма и впоследствии обретшую самостоятельную жизнь. Сам автор книги разделяет шаманизм и колдовство с камнем, полагая, однако, что едва ли что-то мешало и шаманам прибегать к использованию «каменей дождя» (с. 119–120). Даже приведенный в книге материал показывает, что самые ранние сведения о влиянии на погоду не связаны с упоминанием какого-либо камня. Впервые арабский путешественник Тамūм ибн Бахр (821 г.) сообщает о камне (*ḥaṣaa*), способном вызывать дождь, снег, холод и т. д., чудеса которого не отрицаются никем из тюрков, он находится у царя *тогузгузов* (уйгуров), и никто из других правителей тюрков им не обладает. В этом отношении кажется справедливым предположение о том, что «камень дождя» выступает в качестве некоего символа верховной власти, которое выдвинул С. Г. Агаджанов, подробно изучивший легенды, сохраненные мусульманскими историками [1969: 122–125]. Умение влиять на погоду к тому же известно как характеристика легендарного родоначальника правящей династии Тюркского каганата И-чжи Ни-ши-ду 伊麴泥師都 [Inan 1986: 160]. Если это дает основания видеть намек на существо-

вание у тюркских и уйгурских каганов сакральных функций, в числе которых было влияние на погоду, то само появление впоследствии упоминаний в подобных ритуалах камня все еще заслуживает объяснения. Письменные источники пока не дают прямого ответа [I], а материалы этнографии, ввиду широкого распространения и трансформации подобных практик в различных историко-культурных контекстах, едва ли могут оказать помощь. Как, в частности, отмечается в книге Ю. И. Дробышева, в Монголии с принятием буддизма «камень дождя» оказался забыт, но сами практики влияния на погоду никуда не делись, претерпев определенное переосмысление (с. 128–129).

В пятой главе – «Природные явления и легитимация верховной власти» (с. 133–193) рассматривается такой аспект, как значение природных явлений для харизмы того или иного правителя, взаимосвязи в восприятии кочевников характера природных явлений и степени одобрения правителя небесными силами. Значительное внимание уделено пониманию природы и сущности верховной власти у кочевников. Автор прибегает к широкому использованию параллелей на материале других культур. Это достаточно глубокий и концептуальный раздел работы, обсуждать который нам трудно не только в рамках рецензии, но и потому, что это требует погружения в соответствующую тематику. Стремясь по возможности избегать рассуждений, сводящихся к построению рискованных обобщений на основе своеобразных трактовок довольно скудного конкретного источникового материала и привлечения разнородных сравнительных данных, нельзя все же не предположить, что мысли автора книги будут интересны более искушенным исследователям.

Шестая глава – «“Инцидент Туму” 1449 г.: знамения и война легитимностей» (с. 194–230), концентрирующаяся вокруг конкретного исторического эпизода, на первый взгляд, несколько выпадает из общей канвы изложения материала, однако логично примыкает к предыдущей главе и посвящена рассмотрению через призму соображений о соотношении природных явлений и степени легитимности власти вопроса о пребывании в плену у ойратов минского императора Чжу Ци-чжэнь 朱祁鎮, оказавшегося в этом статусе в результате сокрушительного поражения 1449 г. [II], и последствий этого обстоятельства для Минской империи и ойратов. Говоря о последних, исследователь привязывает центральный эпизод главы к такому явлению, как попытка ойратских *тайши* в XV в. добиться отъема у чингисханидов права на доминирование в степи, окончившаяся неудачей ввиду того, что они не сумели найти идеологическое обоснование для своего верховенства (с. 217–230).

В заключении подводятся итоги проделанной работы (с. 231–234). Обращает на себя внимание следующее высказывание: «Учение о взаимосвязи высшей власти и природных явлений должно было формироваться одновременно с учением о самой власти. Есть основания предполагать, что в кочевой культуре, в принципе открытой для инноваций, это происходило под значительным влиянием соседних цивилизаций. Несмотря на многовековые контакты с Китаем, по-видимому, на ранних этапах развития кочевничества в Центральной Азии более существенным было воздействие со стороны индоевропейской культурной общности, тем более что европеоидность прослеживается в антропологическом типе некоторых древних обитателей евразийских степей» (с. 232). Вопрос о степени влияния китайской цивилизации или индоевропейских культур не был подробно раскрыт в самой работе и, конечно, не может быть разрешен в ее рамках. Это нужно решать на основе комплексных данных различных дисциплин для каждого отдельного периода. Однако совершенно непонятно, как указание на антропологический облик населения того или иного региона может служить аргументацией в дискуссии о степени влияния на него той или

иной культуры. Форма черепа совершенно никакого отношения не имеет к языку и культуре.

Представляется недостаточно обоснованным также не получившее разработки в самом исследовании и следующее высказывание, логически продолжающее предыдущую мысль: «В частности, можно достаточно уверенно полагать, что элита древних тюрков была знакома с идеологией позднесасанидского Ирана и, вполне возможно, взяла оттуда на вооружение некоторые принципы легитимации верховной власти. Понятие царственного фарра (от древнеиранского *hvarnah*) и его символическое изображение в виде барана или летящей птицы, обычно сокола, вероятно, также было усвоено древнетюркской культурой и несколько веков спустя передано ею монголам» (с. 232–233). Все это выглядит лишь интересными гипотезами, где каждое «и» требует специального обоснования.

Исследователь, взявшийся за изучение такой сферы жизнедеятельности исторических обществ, как духовная культура, становится на путь, более исполненный рисков, чем, например, исследователь, занимающийся реконструкцией политической (событийной) и даже социальной истории. Работа с датами и терминами немислима в отрыве от текста и контекста изучаемых источников. Верифицировать выводы, сделанные относительно датировки, локализации или подробностей того или иного события, возможно за счет критического сличения доступных источников, которые эти события так или иначе фиксируют. При изучении внутренней жизни отделенных от нас веками обществ, тем более кочевнических, за редким исключением не имеющих собственных письменных источников, недостаток последних можно отчасти компенсировать привлечением сравнительно-исторического и этнографического материала, позволяющего вскрыть природу и сущность отдельных явлений и процессов. Когда же речь идет об изучении внутреннего мира, понимании мироустройства, мировоззренческих установок, это может быть продуктивно только при наличии каких-то специальных текстов философской направленности, чего в случае с кочевниками ожидать невозможно. Исторические тексты, как и данные этнографии, предоставляют нам только внешнюю картину тех или иных явлений, изложение легенд, описание обычаев и практик. Реконструкция мировоззрения в этих случаях более чем зависима от субъективных характеристик исследователя. Если некоторые моменты кажутся возможными для понимания даже на сенсуальном уровне и даже при всей мнимой очевидности каких-то трактовок, они все равно требуют обстоятельного научного обоснования. Исследователь всегда балансирует на грани, рискуя переоценить значение собственного сенсуального опыта или сравнительного материала. Однако эти выводы едва ли могут быть верифицированы. Большой риск создает соблазн широких обобщений на основе выглядящих внешне похожими явлений, которые, однако, как может быть установлено при более тщательном рассмотрении, могут иметь совершенно другую природу.

Представляется, что книга Ю. И. Дробышева демонстрирует очень серьезную попытку изучения одной из сторон мировоззрения кочевников евразийских степей. Хотя автор концентрирует внимание преимущественно на Центральной Азии, изредка привлекая данные о других регионах, можно было бы лишь пожелать более пристального внимания к последним с его стороны в будущих работах. В рамках рецензии нет возможности остановиться на всех интересных наблюдениях автора, но их, несомненно, гораздо больше.

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4.

Примечания

I. Попытки обосновать связь древнетюркского *jat, jad, jada* с древнеиранским *yātu-* '(male) magician, sorcerer', отраженным, в частности, в хотано-сакском **jādū-* id., натолкнулись на труднообъяснимые фонетические сложности (см.: [Stachowski 1995; Utz 1996: 11–12, 22–23 (notes 94–97); Azarnouche, Grenet 2010: 51–54]). Д. Утц предложил сопоставить основу с согд. *sd-* 'magic' [Utz 1996: 12], упомянутым в согдийском документе из Турфана под номером P. 3 [Azarnouche, Grenet 2010: 45]. Последний представляет собой текст, описывающий магические свойства девяти камней и ритуалы вызова и прекращения дождя. В приложении к книге Ю. И. Дробышева приводится выполненный А. З. Алмазовой перевод соответствующих фрагментов, основанный на французском издании 1940 г. (с. 257–263). Если Д. Утц относил источник к IV–VI вв., Ф. Грэнэ идентифицировал текст как зороастрийский, считая также, что о нем же упоминается в «Китаб ал-джамâхир фй ма'рифат фл-джаваâхир» ал-Бүрүнү как **Nawa-pōstē* (< ркп. *tūbüsta*), и датировал его составление периодом господства какого-то из тюркских племен, вероятно уйгуров, в конце IX – начале X в. [Grenet, Azarnouche 2007: 170; Azarnouche, Grenet 2010: 73–74].

II. Монгольские источники акцентируют внимание на том, что нахождение этой персоны в Монголии каким-то образом сказалось на жизни кочевников: часть историков пишут о благотворном влиянии, другие, напротив, связывают с ним многочисленные бедствия. Мы не можем проверить отмеченное Ю. И. Дробышевым противоречие в изложении современными исследователями позиций анонимной «Алтан тобчи» и «Эрдэнийн тобчи» Санан Сэцэна (с. 203–204, прим. 6), однако, по крайней мере, в последнем монгольском издании перевода «Эрдэнийн тобчи» пребывание императора также сопровождается бедствиями у кочевников [Саган Сэцэн 2006: 119–120].

Литература

Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. / С. Г. Агаджанов. – Ашхабад: Ылым, 1969. – 296 с.

Дробышев Ю. И. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.) / Ю. И. Дробышев. – М.: ИВ РАН, 2014. – 604 с., [3] с. ил.

Тишин В. В. Рец. на: Ю. И. Дробышев. Человек и природа в кочевых обществах Центральной Азии (III в. до н. э. – XVI в. н. э.). – М.: ИВ РАН, 2014. 608 с. / В. В. Тишин // Восток (Oriens). – 2016. – № 4. – С. 227–238.

Azarnouche S. Thaumaturgie sogdienne, nouvelle édition et commentaire du texte P. 3 / S. Azarnouche, F. Grenet // Studia Iranica. – 2010. – Vol. 39. Is. 1. – P. 27–77.

Grenet F. Where Are the Sogdian Magi? / F. Grenet, S. Azarnouche // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – 2007. – Vol. 21. – P. 159–177.

İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar / A. İnan. – 3. bk. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986. – 222 s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. – VII. Dizi – Sayı 24b).

Stachowski M. [Rez.] Molnár, Ádám: Weather-Magic in Inner Asia. With an Appendix: "Alt-türkische Fragmente über den Regenstein", by P. Zieme. Bloomington, Indiana: Indiana University, Research Institute for Uralic and Altaic Studies 1994. XVI, 169 S. m. Tab. u. 4 Ktn. gr. 8° = Indiana University Uralic and Altaic Studies, editor: D. Sinor, vol. 158. Lw. \$ 22.00 / M. Stachowski // Orientalistische Literaturzeitung. – 1995. – Vol. 90. – Is. 5–6. – S. 600–603.

Utz D. A. [Rev.] Ádám Molnár, Weather-Magic in Inner Asia. With an Appendix, "Alt-türkische Fragmente über den Regenstein", by P. Zieme. Indiana University Uralic and Altaic Series, 158. Bloomington, Indiana: Indiana University, 1994. Xv + 169 pages; appendix, bibliography, maps / D. A. Utz // Reviews VI. Sino-Platonic Papers. – 1996. – № 70. – P. 1–23.

Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч / Саган Сэцэн; сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид; хянан тохиолдуулсан Ш. Чоймаа. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. – 366 тал.

References

Agadzhanov S. G. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednej Azii IX–XIII vv. / S. G. Agadzhanov. – Ashhabad: Ylym, 1969. – 296 s.

Drobyshev Yu. I. Chelovek i priroda v kochevyh obshchestvah Central'noj Azii (III v. do n. e. – XVI v. n. e.) / Yu. I. Drobyshev. – M.: IV RAN, 2014. – 604 s., [3] s. il.

Tishin V. V. Rec. na: Yu. I. Drobyshev. Chelovek i priroda v kochevyh obshchestvah Central'noj Azii (III v. do n. e. – XVI v. n. e.). – M.: IV RAN, 2014. 608 s. / V. V. Tishin // Vostok (Oriens). – 2016. – № 4. – S. 227–238.

Azarnouche S. Thaumaturgie sogdienne, nouvelle édition et commentaire du texte P. 3 / S. Azarnouche, F. Grenet // Studia Iranica. – 2010. – Vol. 39. Is. 1. – P. 27–77.

Grenet F. Where Are the Sogdian Magi? / F. Grenet, S. Azarnouche // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – 2007. – Vol. 21. – P. 159–177.

İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar / A. İnan. – 3. bk. – Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986. – 222 s. (Türk Tarih Kurumu Yayınları. – VII. Dizi – Sayı 24b).

Stachowski M. [Rez.] Molnár, Ádám: Weather-Magic in Inner Asia. With an Appendix: “Alt-türkische Fragmente über den Regenstein”, by P. Zieme. Bloomington, Indiana: Indiana University, Research Institute for Uralic and Altaic Studies 1994. XVI, 169 S. m. Tab. u. 4 Ktn. gr. 8° = Indiana University Uralic and Altaic Studies, editor: D. Sinor, vol. 158. Lw. \$ 22.00 / M. Stachowski // Orientalistische Literaturzeitung. – 1995. – Vol. 90. – Is. 5–6. – S. 600–603.

Utz D. A. [Rev.] Ádám Molnár, Weather-Magic in Inner Asia. With an Appendix, “Alt-türkische Fragmente über den Regenstein”, by P. Zieme. Indiana University Uralic and Altaic Series, 158. Bloomington, Indiana: Indiana University, 1994. Xv + 169 pages; appendix, bibliography, maps / D. A. Utz // Reviews VI. Sino-Platonic Papers. – 1996. – № 70. – P. 1–23.

Саган Сэцэн. Эрдэнийн товч / Саган Сэцэн; сонгомол эх бэлтгэж, хөрвүүлэг, тайлбар зүүлт хийсэн М. Баярсайхан; эрхлэн хэвлүүлсэн А. Цанжид; хянан тохиолдуулсан Ш. Чоймаа. – Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2006. – 366 тал.